

А.В. Ломагина

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПОЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСОВ НА ПРИМЕРЕ
РОМАНОВ Э. КЛЕВДАЛЬ РАЙХА «ПРАЗДНИК
СВ. ЦЕЦИЛИИ» И Х. СТАНГЕРУПА «БРАТ ЯКОБ»**

В статье рассматривается пример взаимопроникновения языковых средств и композиционных приемов политического и художественного дискурсов. Художественный текст, представленный двумя историческими романами «Праздник св. Цецилии» Э. Клевдаль Райха (1979) и «Брат Якоб» Х. Стангерупа (1991), приобретает некоторые черты полемичности, экспрессивности на фоне политической дискуссии на страницах датской прессы. Полемичность затрагивает трактовку исторических событий, положенных в основу сюжета, язык и композицию в обоих романах. И Э. Клевдаль Райх, и Х. Стангеруп принимают непосредственное активное участие в обсуждении вступления Дании в ЕС, занимая противоположные позиции по этому вопросу. Художественные произведения и описываемые исторические коллизии становятся аргументом в споре за современность и конструирование будущего в сознании читателя.

Ключевые слова: политический дискурс, исторический роман, Дания, ЕС.

A. V. Lomagina

**ON THE CROSSROAD OF THE POLITICAL AND LITERARY
DISCOURSE. E. CLEVDAL REICH'S "FEAST FOR CECILIA"
AND H. STANGERUP'S "BROTHER JACOB"**

The article is analysing the example how the rhetorical means from the political discourse penetrate into the literary discourse and the interpretation of the historical facts and persons is submitted to the goal of using the national history as an argument in the discussion about the present and constructing the future of the nation. For analysing the tension between the depicted past in the historical novel and the present of the author the article refers to Paul Ricoeur's "History and Truth" and David Carr's "History, Fiction, and Human Time".

Ebbe Kløvdal Reich (1940–2005) and Henrik Stangerup (1937–1998) are among other disputants about the historical choice of Denmark to be part of the EU in the period 1970–1990. While having the different opinions they exchange ironical and very critical arguments for and against the EU in the mass media. Since the result of the referendum in Denmark in 1972 and 1993 was expected to be crucial for the future of the nation, both authors try to find the crossroads in Danish history, that could illustrate the change in the relations between Denmark and Europe. The comparison of two historical novels "The feast for Cecilia" (1972) and "Brother Jacob" (1991) illuminated by the discussion about the EU can be seen as an attempt to use a history as an argument in the modern political discourse.

Keywords: political discourse, historical novel, Denmark, EU.

Понимание истории как исключительно прошедшего, бытовавшего в XIX в., многократно видоизменялось на протяжении XX в., проходя через сени, надежды и ожидания настоящего к конструированию будущего.

«В этом мире людей само время имеет человеческий характер, и люди придают ему нарративную форму, проживая свои жизни не от мгновения к мгновению, а посредством воспоминания о том, что было, и проектирования того, что будет»¹.

Настоящая статья посвящена анализу того, как история используется в качестве аргумента в политическом споре о настоящем и будущем и того, как применяются риторические приемы диспута в художественном тексте на примере двух исторических романов и статей авторов, принимавших активное участие в споре о вхождении Дании в Европейский союз.

Дискуссии о ключевых событиях и персонах исторического прошлого становятся особенно актуальными в эпохи, которые ставят вопрос о групповой идентичности. Так с 30-х годов XX в. в СССР решалась задача воспитания нового исторического сознания и исторического образования населения страны. Помимо написания новых учебников по истории, к вопросу закрепления нового образа российской истории были подключены и люди искусства. В результате появляются такие исторические романы, как «Петр I» А. Толстого (1934), фильмы С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), «Иван Грозный» (1944, 1946), а после войны «Рассказы о Суворове и русских солдатах» (1955) С. Алексеева, которые закрепляли в общественном сознании определенные «правильные» для господствующей идеологии трактовки исторических характеров и событий.

Еще В. Ленин, понимая механизм воздействия литературы на массового читателя в начале XX в., призывает: «Долой литературов беспартийных! Литературное дело должно стать составной частью организованной, плановой, объединенной <...> партийной работы»². Воспитательную роль как задачу литературы для формирования «нового человека» обосновывал М. Горький.

Таким образом, национальная история в различных интерпретациях и события прошлого, зафиксированные в историческом романе или фильме, могут стать полем битвы для политиков-интерпретаторов или историков, могут стать политическим аргументом. В Дании, с ее богатым опытом политического и культурного плюрализма, различные взгляды на национальную историю сосуществуют и иногда оказываются полемически противопоставлены друг другу в исторических романах.

В Дании одним из самых ярких романов, пытающихся искать причины настоящему страны в процессах и поступках личностей прошлого, является «Падение короля» Й.В. Йенсена (1901). Он навсегда закрепил в сознании датчан возможность лечить «национальные травмы» (потерю Шлезвига в войне с Пруссией) с помощью поиска переломных моментов и развилок в прошлом, подводя тем самым к возможности «альтернативного» развития истории.

Новые дискуссии о предмете истории и национальной идентичности обострились в Дании в 70-х годах XX в. В 1978 г. были сформулированы новые дидактические принципы преподавания истории в школе, которые оказали влияние на выработку основ политики в отношении исторического образования. В 1981 г. были специально разработаны дидактические рекомендации для обучения истории в общеобразовательной школе, провозглашен отказ от единого исторического канона в пользу формирования у народа взаимосвязи с прошлым, понимания настоящего как исторического процесса и конструирования будущего.

Повсеместный процесс изменения общественного сознания, произошедший в 80-е годы, был зафиксирован в работе английского социолога Э. Гидденса «Общество позднего модерна»³, оказавшего большое влияние на общество в Скандинавских странах. В своей монографии 1991 г. он провозглашает потребность в постоянном конструировании идентичности, связанном со скоростью изменения мира. В связи с тем, что на 60–90-е годы XX в. выпадает формирование и политическое оформление Европейского союза, процесс формирования исторического сознания как части национальной идентичности приобретает особую актуальность. Ни у кого не возникает сомнения, что выбор, который Дания сделала в 1972 г., был историческим и повлек за собой серьезные политические последствия. «Это было тридцать лет назад, перед тем, как рядом со словом “нация” был поставлен знак вопроса»⁴.

Присоединение Дании к Европейскому экономическому сообществу произошло после проведения референдума 1972 г. Процент проголосовавших «за» (63,3 %) показывает, какая серьезная борьба развернулась между сторонниками и противниками ратификации договора о присоединении.

В 1992 г. граждане Дании участвовали в референдуме о присоединении к Маастрихтскому договору, который устанавливал более тесные связи и взаимозависимость в рамках ЕС. В результате референдума (50,7 % голосов «против») Дания отказалась ратифицировать договор. Присоединение

страны к новой форме сотрудничества состоялось только год спустя, после приема поправок и исключений для Дании. Углубление связей с ЕС получило одобрение на новом референдуме 1993 г. (56,7 % «за»). Об активности граждан страны говорит тот факт, что в голосовании приняло участие подавляющее большинство жителей страны (90,1 % в 1972 г., 83,1 % в 1992 г. и 86,5 % в 1993 г.).

История литературы в Скандинавии знает множество антагонистов, долгое время находившихся в открытом споре друг с другом. Можно упомянуть С. Киркегора и П. Меллера в Дании, Б. Бьернсона и Г. Ибсена в Норвегии и А. Стриндберга с В. фон Хейденстамом в Швеции.

В период обострившейся общественной и политической дискуссии с 1972 по 1993 г. были написаны два исторических романа, где фабула, композиция и взаимоотношение описываемого исторического времени с историческим моментом написания текста выдают следы острой полемики между авторами.

Роман «Ночь на св. Цецилию. Тайное послание об убийстве короля» (1979) написан после вхождения Дании в ЕС, в год выборов первого парламента общей Европы. Действие разворачивается в период датского Средневековья. Его автор Э. Клевдаль Райх (1940–2005) имеет историческое образование, большой опыт работы политиком, относится к марксистам, близок левым социалистам (VS), затем становится членом Радикальной левой партии (R). Он выдвигался в 1990 г. в парламент Дании от «Единого списка» (Enhedslisten), куда входили левые социалисты, Датская коммунистическая партия и Социалистическая рабочая партия (VS, DKP og Socialistisk Arbejderparti (SAP). Кроме того, он был членом первого Европейского парламента от «Народного движения против ЕС». На протяжении всего периода времени, с 1972 по 1993 г., он последовательно говорит об экономической, политической и культурной опасности поглощения Дании Европой.

Роман «Брат Якоб» (1991) написан за год до референдума об углублении сотрудничества Дании с ЕС, на котором граждане большинством голосов выступили против. 1990 г. — апогей общественных дебатов о будущем, все участники которых закалены в открытых дискуссиях 70–80-х годов, в которых Х. Стангеруп (1937–1998) принимает активное участие.

Он пишет роман как завершение исторической трилогии, где каждая из частей иллюстрирует одну стадию жизненного пути по философии С. Киркегора. «Брат Якоб» является воплощением третьей стадии — «рыцаря веры» — и повествует о Реформации в Дании XVI в. Все романы трилогии,

написанные в период с 1972 по 1993 г., имеют протагонистами датчан-изгоев, уехавших из Дании в Европу или Южную Америку, забытых у себя на родине.

Х. Стангеруп, изучавший философию экзистенциализма в университете, работает французским корреспондентом социал-демократической газеты «Политикен» и на протяжении всей жизни критикует Данию и датчан, упрекая их в национализме, мещанстве, реакционном консерватизме. В своих политических пристрастиях он, скорее всего, относится к правоцентристам. В полемике о европейском выборе Дании он однозначно выступает за вхождение в общую Европу, но сокрушается, что датские политики слишком слабы, чтобы предложить свою линию европейскому сообществу.

Э. Клевдаль Райх после референдума приступает к работе над романом с ощущением поражения: «Мне казалось, что поражение потерпела демократия»⁵. Х. Стангеруп в статье 1989 г., во время работы над своим романом, описывает два кошмарных сна о будущем Европы⁶, высказывая тревогу за будущее страны. Один из них — когда вся Европа становится похожей на мещанскую Данию, второй — унифицированная Европа без Дании.

Таким образом, первый роман написан в период разочарования его автора поражением на референдуме, на волне обострения дебатов в обществе и на фоне многочисленных статей, которые он пишет за выход из общей Европы. Второй роман написан в момент резкого усиления дебатов о дальнейшем сближении с Европой, напряженности общественного диалога, в котором активно на страницах прессы участвует Х. Стангеруп.

Оба романа описывают события из далекого прошлого и претендуют на объективность трактовки изложенных событий, опираясь на фиктивные и подлинные документы.

Роман Э. Клевдаль Райха заявляет претензию на раскрытие подлинных причин и исполнителей убийства короля Эрика V Клиппинга 22 ноября 1286 г. Новая версия полностью отрицает хрестоматийный рассказ, который лежит в основе многих народных баллад, новелл, пьес и оперы и является каноническим для всех датчан. Убийство короля подается автором как катастрофа, которая навсегда изменила облик страны.

Роман «Брат Якоб» тоже претендует на совершенно неожиданное истолкование событий и последствий Реформации начала XVI в. Роман показывает Реформацию и лютеранство, которое лежит в основе всеми признанной культурной идентичности современной Дании, как бедствие.

Райх в статье от 10.09.1980 пародирует Стангерупа, используя прием гиперболы: «Он боится распространения марксизма в Дании. По его словам, он едва успел ускользнуть в большой мир, перед тем как на границе Дании опустился железный занавес. У него очевидная паранойя»¹². В этой же статье он пародирует оппонента, развивая аргументацию Стангерупа до абсурда, приписывая ему сравнение Дании с ГУЛАГОМ¹³. Стангеруп не остается в долгу. Он пишет в 1980 г. статью, в которой иронически отбивает все нападки Райха. В статье используется прием прямого ироничного обращения к оппоненту «О, Эббе, путанный, фанатичный Эббе»¹⁴.

Несмотря на то что основной шквал полемики между писателями приходится на 1980-е, в 90-х дебаты о правых и левых снова обостряются на фоне обсуждения европейского сотрудничества.

Так, Х. Стангеруп пишет о противниках вхождения в ЕС: «Еббе Райх постоянно подозревает колоссальный заговор мировой закулисы, который направлен на то, чтобы сорвать очередной съезд датских левых социалистов в местечке Альбертслунд»¹⁵. Не исключено, что этот саркастический выпад, построенный на приеме противопоставления, намекает как раз на роман « Праздник св. Цецилии».

Если поместить оба романа в контекст политической полемики, оказывается, что категоричность и саркастичность авторской речи в тексте об отношении Дании и окружающего мира, оценки датского национального характера и ценностей выдают позиции авторов по отношению к исторической развилке, на которой оказалось датское общество в 70-х и 90-х годах.

Именно отсылка к спорам 70-х и 90-х годов и к моменту написания текстов создает напряжение во взаимоотношениях «исторического прошлого» и «исторического настоящего». Прошлое не только используется для объяснения настоящего, но и становится аргументом в попытке повлиять на будущее и в споре.

В обоих текстах пространственная организация предполагает наличие центра — Дании — и окружающего ее мира (Европы и Америки). Важной составляющей повествования являются взаимоотношения пространственного центра и периферии.

У Э. Клевдаль Райха точкой пересечения координат становится Ютландия, Виборг и Финдеруп. Дания предстает замкнутым пространством, куда извне пытаются проникнуть представители «большой Европы» — ганзейские купцы, католические монахи, посланцы Ватикана, миннезингеры.

В романе проведена четкая граница между миром внутренним, «своим», и миром внешним, «чужим» и «враждебным».

В романе Стангерупа протагонист начинает свое путешествие из Дании, которая тем самым тоже становится точкой начала пространственной оси. Граница между «своим» и «чужим» мирами постоянно сдвигается. Сначала она пролегает между Данией и Европой, затем разделяет протестантский мир и католический. Наконец, по мере продвижения протагониста вглубь Европы и затем в Мексику, «своим» становится мир индейцев в Теночтитлане, а «чужим» — тот мир, что остался позади. Идеологическая граница пролегает между протестантской Данией и католическим миром.

В союзники брат Якоб берет величайших философов и культурных гениев Европы, несогласных с идеями Реформации: Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Франсуа Рабле, античную философию, католических философов Франциска Ассизского, Бонавентуру. Им противостоит мир протестантов: Лютер, Филип Меланхтон, Таусен. С одной стороны — величие духа, мысли, искусство Средневековья и Возрождения. С противоположной стороны — изгнание хранителей мудрости — монастырей, король, казнящий цвет шведского дворянства, уничтожение фресок, скульптур и алтарей.

Образ Дании в романах представлен с помощью различных стилистических приемов. В романе «Праздник св. Цецилии» создается образ «прекрасной Дании, которую мы потеряли». Автор использует для закрепления этого образа в сознании читателя метафору: «гордое, сильное и смеющееся королевство»¹⁶; Ханаан¹⁷ (Земля обетованная), «страна счастья»¹⁸, «земля изобилия», куда дорогу теперь «перекрывает ангел с огненным мечом»¹⁹. Развернутая метафора превращает Данию до убийства короля в райский сад, утерянный Эдем.

«Утраченная Дания» представлена территорией (туда входит Сконе и Блекинге, завоеванные впоследствии Швецией, и Шлезвиг, отошедший потом к Пруссии) и населением. Датский национальный характер описан во вставных главах, посвященных основным датским культурным мифам и святым. Среди основных положительных национальных черт автор упоминает способность достижения консенсуса и упорство в спорах, которые могут длиться годами.

Вера народа, наивная, простая, противостоит коварству католических монахов и иерархов. Все датчане представлены патриотами государства Дания и короля Эрика, недолюбливающими иностранцев. Мир вокруг

Дании — это «царство Молоха». Из него исходят «демонические силы»²⁰ и проникают «враги Дании, переодетые под добрых датчан»²¹.

Ключевым моментом, который навсегда лишил Данию будущего и оставил о великом прошлом лишь воспоминание, в романе называется убийство короля Эрика Клиппинга: «С этих пор в Дании все пошло наперекосяк»²².

Рассказчик называет и последствия убийства короля: банкротство страны и жителей, инфляция, чужестранное господство в лице ганзейского купечества, немецких солдат и Римской империи. Автор дает свою версию событий, разгадывает тайный замысел и раскрывает заговор Римско-католической церкви, стремящейся к мировому господству. Папский престол и таинственный монашеский орден хотя не допустить развития Дании как самостоятельного, независимого государства. Их цель — убить короля и обвинить в убийстве лучших дворян Дании, отправить их в ссылку, чтобы страна постепенно попала в экономическую и политическую зависимость от новой империи с центром в Германии.

«Брат Якоб» Х. Стангерупа — роман, повествующий об эпохе Реформации в Дании 1530-х годов, изгнании ордена францисканцев из Северной Европы и путешествии полупоэтического брата короля Дании Кристиана II — монаха-францисканца Якоба через разделенную религиозными войнами Европу в Мексику. Там он становится духовным наставником и защитником мексиканских индейцев от притеснений католической церкви. Стангеруп тоже раскрывает потаенный механизм истории и человеческой судьбы: киркегорианский выбор брата Якоба — крест вместо датской короны. Автор рефлексировал на темы судеб Дании и Европы и приходит к выводу, что датская культура многое потеряла из-за своей обособленности и отрыва от культурных процессов в романоязычной части Европы.

В тексте этого романа Дания после Реформации — «чужой» мир — для протагониста тоже предстает с помощью набора метафор. Это земля героя скандинавского фольклора — «водяного Росмера», «тонущий Север»²³, погибающая «Атлантида»²⁴, населенная мертвецами, «ад»²⁵. Автор заставляет читателя взглянуть на Реформацию в Дании глазами францисканского монаха, от лица которого идет рассказ. Для рассказчика — брата Якоба все происходящее неизбежно выглядит страшным злом. «Дева Мария больше не укрывает своим покровом Северную Европу»²⁶, — говорит он.

Датчане и датский национальный характер в тексте этого романа представлены «жестокими»²⁷, «нерешительными»²⁸ и «мелочными». А протестантский Копенгаген назван «Фата Моргана, созданный богиней Анти-Софией и Анти-Фортуной»²⁹. «Стучись в дверь, но она никогда не откроется»³⁰, — вот примета времени после Реформации. Реформация надвигается как волна белой краски, которая закрашивает все фрески в церквях.

Для того чтобы читатель увидел параллели между прошлым и настоящим написания романа, авторы оставляют маркеры в качестве сигнала внимательному читателю. В романе Э. Клевдаль Райха параллели с настоящим и конструирование будущего вводится эксплицитно с помощью образа издателя, который публикует найденный таинственный документ XIII в. Издатель во вступлении и заключении обращается к читателю и объясняет важность исторического документа и событий XIII в. для современного читателя.

Во вступлении утверждается, что история циклична. Автор использует ряд классических приемов риторической аргументации. Так, он апеллирует к авторитету Ленина, давая одновременно весьма спорную интерпретацию его понятию «живой истории». Ленин якобы имел в виду бесконечный повтор событий в разных комбинациях и развитие истории по спирали. Значит, делает вывод рассказчик, описываемые события далекого прошлого могут повториться в настоящем. Еще одним аргументом, «доказывающим» повторяемость исторических ситуаций и конфликтов, становится апелляция к известному факту: «В день св. Цецилии 700 лет спустя был убит Д. Кеннеди, и его убийцы тоже не найдены»³¹.

Автор использует исторические понятия, которые только что были разоблачены в романе, — «империя», «вечный рейх» для описания современности, дезавуируя ее: «...дьявольская ложь о непогрешимости государства, закона и империи столь же живуча сейчас, как и в Средневековье»³². Документы фальсифицируются, правду прячут от народа. Миннезингеры сочиняют мифы и распространяют ложь. В тексте рукописи, как утверждает издатель во введении, зашифровано послание к современности. Издание рукописи — единственный шанс спасти Данию. Соответственно, стране в середине XX в. грозит новая опасность.

В послесловии к роману параллели между настоящим и прошедшим становятся еще более очевидными. Так, автор использует прием скрытого сравнения, обозначая настоящее с помощью реалий прошлого: «Мы живем в последние годы правления Эрика Менведа (король, правивший вскоре

но его засасывала внутренняя темнота. Может быть, очень по-датски. То знать, то не знать, мочь и не мочь, хотеть и не хотеть»³⁹. Последнее предложение, призванное зафиксировать чертой датского характера нерешительность, построено с использованием параллельных конструкций на основе антитезы.

Иногда автор «позволяет» рассказчику увлечься и начать «предсказывать будущее». Картина этого будущего удивительным образом совпадает с образом современной автору Дании, изображенной с иронией. «Рай на земле — это откладывать деньги, платить по принципу “каждый за себя”, открывать кредиты, все больше повышать налоги. И никаких новых алтарей»⁴⁰. Алтарь в романе — и святыня, и произведение искусства. Тем самым автор предсказывает будущее государства, где нет ничего святого и прекрасного.

Автор проводит параллель между временем романа и моментом написания текста. Этот параллелизм особенно заметен при сравнении текстов романа и статьи, написанной в 1989 г. В ней он также использует понятия прошлого из эпохи Реформации для описания явлений настоящего времени.

Статья «Два кошмарных сна о Европе» начинается с образа Европы, похожей на Данию: «Повсюду те же пустые церкви, где те же лютеранские священники, оплачиваемые датским государством»; «Церковь, с которой с нечеловеческой яростью боролся последние годы Серен Киркегор»; церковь, которая «предала Христа», состоять в которой «все равно, что быть членом клуба по интересам», которая противопоставлена настоящему Христу — «францисканскому»⁴¹. В другой статье — «Верните нам 1789 г.», написанной в 1988 г., — Стангеруп использует метафору, вводя образ «клерикальной власти», господствующей в Дании, и высказывает надежду, что Дания будет бороться против «черных пастырей нашего времени с их крестовым походом против прав человека»⁴².

В статье «Датская клерикальная власть» 1990 г., которую Х. Стангеруп написал в период работы над романом, он клеймит современную ему Данию: «После анархии Средневековья нас перевоспитали в духе Лютера к почтению и послушанию власти. Это те же священники, которые заставили уйти Киркегора во внутреннюю эмиграцию. Никогда еще власть духовенства не была такой сильной, как в последние 30 лет». «Это такое милое, улыбающееся, демократическое усреднение и нивелирование всего»⁴³.

Таким образом, при пересечении политического дискурса эпохи 70–90-х годов с литературным, представленным двумя романами идейных

антагонистов, выявляется взаимопроникновение языковых и композиционных приемов, свойственных политически ангажированной речи и историческому роману. В художественном тексте можно выделить элементы, которые несут на себе отпечаток политических дискуссий. Это выражается в первую очередь в категоричности и оценочности (квалитативности) утверждений, гиперболизации, риторической аргументации и синтаксических приемах. С другой стороны, газетные статьи одного из авторов (Х. Стангерупа) пестрят художественными приемами (метафора, аллегория), которые позволяют читателю увидеть сходство между событиями далекого прошедшего и настоящего и намекают на возможность развития событий настоящего по всем известному исторически негативному сценарию.

Такая игра, побуждающая читателя использовать прошлое в его различных, весьма противоречивых, трактовках для понимания настоящего и конструирования будущего, нарушает принцип историчности, по которому будущее пошедшего — не состоявшееся настоящее, а страхи и надежды людей, проживающих события⁴⁴.

Итак, история становится памятью нации, в которой ищут объяснение событиям настоящего и пытаются предугадать будущее. В этом взаимоотношении настоящего и прошедшего в романе возникает напряжение, возможность диалога с ситуацией, в который пишется роман.

Таким образом, в медийную эпоху в обществе с открытым доступом к средствам массовой информации некоторые писатели оказываются ангажированы и вовлечены в политические споры, которые для них имеют более глобальное философское значение. Кроме того, и в конце 70-х, и в начале 90-х есть авторы, уверенные в некотором мессианстве художника и его способности повлиять на ход истории. Роман становится аргументом в цивилизационном споре. Литература — частью политического дискурса. Но верно также и обратное влияние: литературное творчество поднимает спор на новый уровень обобщения, и публицистика писателя, а также набор аргументов несут очевидную печать художественности. Кроме того, важно еще раз подчеркнуть дидактичность тона, что, как мне кажется, кроме общих постмодернистских процессов, вызвано в Скандинавии общей дискуссией 80-х годов об исторической парадигме.

* * *

¹ *Karr Д.* История, художественная литература и человеческое время // Философия и общество. 2011. № 1. С. 174.

² Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература. URL: http://www.revolucia.ru/org_lit.htm (дата обращения: 21.09.2017).

³ Giddens A. *Modernity and Self-identity. Self and Society in the late Modern Age*. Stanford, 1991.

⁴ Mikkelsen H.G. *Historiens Erindringskunstnere*. URL: <http://www.information.dk/1998/01/historiens-erindringskunstnere> (дата обращения: 24.10.2017).

⁵ Christensen J.H. *Aberne i træernes toppe — samtaler med Ebbe Kløvedal Reich*. København, 2005. S. 119.

⁶ Stangerup H. *Tværtimod. Levned og meninger 1956–98*. København, 2003. S. 611.

⁷ Чащина А.М. Языковые и риторические особенности политического дискурса в массмедиа // Вестник Челябинского университета. 2013. С. 249–254.

⁸ Stangerup H. *Tværtimod. Levned og meninger 1956–98*. S. 526.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. S. 529.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 17.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. S. 18.

¹⁵ Ibid. S. 19.

¹⁶ Kløvdal Reich E. *Festen for Cæsilie*. København, 2014. S. 68.

¹⁷ Ibid. S. 76.

¹⁸ Ibid. S. 68.

¹⁹ Ibid. S. 76.

²⁰ Ibid. S. 16.

²¹ Ibid. S. 64.

²² Ibid. S. 40.

²³ Stangerup H. *Broder Jacob*. København, 1991. S. 59.

²⁴ Ibid. S. 11.

²⁵ Ibid. S. 59.

²⁶ Ibid. S. 54.

²⁷ Ibid. S. 45.

²⁸ Ibid. S. 248.

²⁹ Ibid. S. 49.

³⁰ Ibid. S. 16.

³¹ Kløvdal Reich E. *Festen for Cæsilie*. S. 814.

³² Ibid. S. 8.

³³ Ibid. S. 812.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. S. 8.

³⁶ Ibid. S. 814.

³⁷ Ibid.

³⁸ *Stangerup H.* Broder Jacob. S. 247–248.

³⁹ *Ibid.* S. 53.

⁴⁰ ³⁹ *Ibid.*

⁴¹ *Stangerup H.* Tværtimod. Levned og meninger 1956–98. S. 611.

⁴² *Ibid.* S. 610.

⁴³ *Ibid.* S. 480–481.

⁴⁴ *Рикер П.* История и истина. СПб., 2002. С. 43.